

ИВАН-ДУРАК,

или

ПЕРВОБЫТНАЯ ДИАЛЕКТИКА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Николай Вольский

Жизнь человека, понимаемая как проект и, одновременно, как воплощение этого проекта, вполне может рассматриваться как особый вид текста. “Жизненный текст” исходно выступает в свернутом виде как план, в котором намечена цель жизни и общие принципы ее достижения, и имеет свое начало, совпадающее с рождением и становлением человека как индивидуального субъекта. С этого момента появления личности и начала ее личного текста он разворачивается как сюжет, движение которого обусловлено самодеятельностью устремленной к своей цели личности, но воплощается он в том жизненном материале, который предлагает человеку его личная судьба и изменить который он не волен. Такое - обычное для всех видов художественного творчества - столкновение проекта (идеи) произведения с неподатливостью материала, в котором она должна быть воплощена, создает различные сюжетные ходы и перипетии, придавая сюжетному развитию напряженность и драматизм. Как и всякий текст, жизнь должна иметь окончание, все сюжетные проблемы должны быть разрешены и благополучно доведены до заданной началом развязки, которая формально выступает как прекращение жизни и даже как уничтожение личности, но на самом деле представляет собой последний значимый элемент текста - точку, которая, будучи поставлена в конце, превращает черновик и набросок в законченный текст. Когда это произошло, те ветхие листки, на которых писался текст, различные замыслы и темы, не нашедшие своего места в окончательном варианте, больше уже не нужны, продление их существования не имеет более смысла. Даже если они еще и продолжают какое-то время существовать, они уже представляют собой мертвый материал, не имеющий прямого отношения к жизни личности, которая только с этого момента и становится сущей в полном смысле слова. Как литературное произведение действительно становится текстом лишь после своего завершения, а до этого можно говорить только о его замысле, сочинении, процессе его возникновения, так и человеческая личность, ее неповторимая индивидуальная структура, окончательно становится самой собой лишь в момент физической смерти индивида, завершающей процесс творения, и в этом смысле смерть человека знаменует его рождение для истинной жизни в вечности.

Постольку, поскольку жизнь личности представляет собой текст, к ней применимы все эстетические критерии, которые могут быть приложены к литературному произведению. Во-первых, жизненный сюжет должен быть завершен и цель жизни достигнута, иначе ее нельзя признать состоявшейся. Но кроме того, что все сюжетные проблемы должны быть разрешены и все концы с концами должны быть в финале сведены, от общего построения жизни требуется гармония, соразмерность, отсутствие длиннот, неувязок, увлекательность, короче говоря, жизненный текст должен быть эстетичен, и чем больше конкретная жизнь удовлетворяет принятой эстетике, тем она удачнее, тем выше ее качество. Но тогда отдельные личности

могут быть классифицированы по типам жизненных сюжетов, по способам их построения, по жанрам и т.п. Следовательно, человек в своей сущности таков, каково его понятие о красоте, каковы его эстетические требования. И отсюда вытекает не просто предположение, но естественное убеждение в том, что распространенные среди какого-либо сообщества людей художественные тексты по своей структуре, типам сюжетов, способам их обработки должны, в каком-то смысле, соответствовать типичной для этих людей структуре личности. Такое соответствие делает художественные тексты незаменимым инструментом для исследования типов личности.

Таким образом, имеются разумные основания предполагать, что исследование типичных литературных сюжетов может выявить характерные черты личности людей, в среде которых обращаются данные художественные тексты. Интересным, на мой взгляд, примером такого сюжета, обусловленного типом личности рассказчика (и слушателей), могут служить русские сказки об Иване-дураке.

Иван-дурак - персонаж, по своей сути неясный, если не сказать, загадочный. Будучи главным героем сказки, он, в согласии с законами жанра, успешно преодолевает все препятствия, расставленные на его пути судьбой, и достигает благополучия, обычно символизируемого женитьбой на царской дочке. В этом Иван-дурак мало чем отличается от Ивана-царевича и других сказочных героев, которым сочувствуют и с которыми могут отождествлять себя слушатели, но если в других сказочных сюжетах удача в конце концов вознаграждает героев за их ум, хитрость, верность, доброту, храбрость, то, рассматривая данный тип сказок, приходится сделать вывод, что Иван-дурак вознаграждается за свою глупость. Не обладая никакими особенными достоинствами, которые хотя бы уравновешивали его глупость, он тем не менее приходит к такому же финалу, как и заведомо достойные герои. Более того, в сказке кроме Ивана-дурака часто присутствуют его братья, которые отличаются от него только своей разумностью и которые тоже пытаются завоевать удачу, но из трех братьев судьба оказывается благосклонной именно к дураку, подтверждая вывод о награде за глупость.

Прямолинейно выведенная из этих сказок мораль говорит, что ум человеку не особенно и нужен, он вовсе не требуется для достижения жизненного успеха (а то и мешает его достижению); если тебе на роду написано стать царским зятем, то, даже если ты патентованный дурак, это тебе не помешает им стать, а если не написано, то и стараться не стоит. Отсюда иногда делается довольно обидное для нас русских заключение, что народ, любимым фольклорным героем которого может быть дурак и бездельник, не ценит ума, трудолюбия, расчета и упорства в достижении цели, а склонен, лежа на печи, надеяться на чудо, которое безо всяких хлопот вознесет его из грязи в князи. Но этот вывод - помимо того, что он явно не реалистически описывает шкалу народных ценностей, - находится в явном противоречии с тем, что в других - созданных тем же народом - сказках природный ум героев, их образованность, расчетливость, остроумие, хитрость служат основой их жизненных успехов и получают очень высокую оценку.

Все вышесказанное следует отнести только к фольклорным записям русских сказок. Литературная обработка сохраняющихся в народе текстов обычно сопровождается определенным их переосмыслением и "осовремениванием" - приближением их к эстетическим нормам, свойственным современному образованному читателю. Исходя из своих понятий о занимательности, логичности, красоте, автор пересказа "подправляет" фольклорный текст, удаляет из него то, что он воспринимает как несообразности - вроде упомянутого "воспевания глупости", - несколько изменяет язык сказки, контаминирует сказочные сюжеты, добиваясь за счет этого большей выразительности и драматизма, несколько по-иному расставляет акценты в этической оценке действий персонажей и т.п. Если это делается умело, с художественным вкусом и чувством меры, сказка, на наш современный взгляд, только выигрывает: сохраняя свою "народность" в тематическом и эстетическом плане, она становится более стройной, изящной, занимательной и представляет как бы еще один - улучшенный - вариант, дополняющий множество уже существующих фольклорных вариантов этой сказки. Можно

сказать, что автор очищает сюжет от наслоений, которые обусловлены не внутренней эстетической закономерностью, а какими-то привходящими обстоятельствами, часто просто неразвитостью вкуса рассказчиков, и если бы народ в массе своей был более эстетически образован, он бы и сам пришел к подобному варианту сказки.

Ершов в своем знаменитом “Коньке-горбунке”, пользуясь фольклорным сюжетом об Иване-дураке, идет этим общепринятым путем. В зачине он, правда, следует народной сказке, говоря:

“Было у него три сына.
Старший умный был детина,
Средний был и так, и сяк,
Младший вовсе был дурак.”

Однако в дальнейшем мотив “дурости” главного героя совершенно исчезает, он остается “дураком” лишь по названию, но ни его действия, ни мнение о нем окружающих никак этой кличке не соответствуют. Скорее он выгодно отличается от своих братьев, чья лень, трусость и непослушание родительской воле перекрывают им возможность повстречаться с волшебной кобылицей и, следовательно, путь к жизненному успеху. Таким образом, Иван-дурак трактуется Ершовым как герой, которого считают глупым лишь по недоразумению и чьи достоинства до поры до времени скрыты под неприметным обликом. В русских сказках есть подобный сюжет, в котором главный персонаж, занимающий низкое социальное положение (мужик, солдат) и только из-за этого расцениваемый окружающими как заведомый глупец и невежда, посрамляет других - высоко вознесенных в общественном мнении - персонажей благодаря природному мужицкому уму и хитрости, но это сюжет других сказок, явно отличающихся от сказок про Ивана-дурака. “Редактируя” сюжет и заменяя в нем один мотив другим, взятым из другой сказки, Ершов следует обыденному здравому смыслу, уверенному в том, что, если человек, которого мы считали дураком, добился в жизни неординарного успеха, то он, вероятно, не такой уж и дурак, а может быть, и поумнее прочих. Сказка от этого становится более “правильной”, логичной, но при этом теряется оригинальность и истинный смысл сюжета.

Народная мысль нашла в этом сюжете выражение для гораздо более глубокого и тонкого рассуждения. Сказка не отрицает вышеприведенного тривиального суждения, более того, именно оно создает завязку сюжета, которая основывается на внутреннем согласии слушателя с тезисом: “Дурак ничего не может добиться в жизни; он потому и называется дураком, что действует по-дурацки, то есть не так, как это требуется для достижения успеха”, но суть сказки в художественно убедительном опровержении этого, казалось бы, неопровержимого тезиса.

Чтобы правильно понять смысл сказки и выяснить, почему главный герой - дурак, в чем функциональная роль его глупости в разворачивании сюжета, необходимо отойти от своих привычных представлений и попытаться стать на точку зрения субъекта фольклора, то есть человека традиционного циклического типа. Такой человек никогда не испытывает сомнений относительно выбора своего жизненного пути. Поскольку жизненная цель личности не является предметом выбора (она известна, как нечто естественно существующее), то направление жизненного пути полностью определяется тем положением, в котором находится данный конкретный человек. Сомневаться не приходится еще и потому, что все, кто находится в близком к тебе положении, движутся в одном направлении, у вас у всех практически одна и та же цель, если и отличающаяся от цели соседа, то лишь нюансами ее индивидуального понимания.

Поэтому циклический человек не может свернуть с пути по собственной инициативе, это было бы для него совершенно бессмысленным актом. Уклонить его с заданного общего направления

может лишь какая-нибудь внешняя причина или препятствие, не позволяющее ему двигаться к цели по прямой. В этом отношении циклический человек действует как гомеостатически управляемый автомат, поведение которого в любой момент определяется рассогласованием между заданным и текущим значениями управляющего параметра. Личная судьба человека, выступающая в виде его личных жизненных обстоятельств, (той среды, в которой он вынужден действовать и которую он не может выбирать по желанию), постоянно затрудняет его продвижение к цели и уклоняет в сторону от нее. Задача каждого состоит в том, чтобы нивелировать уклонения, ликвидировать или обойти препятствия и вернуться на правильный путь, причем сделать это как можно быстрее, эффективнее, не тратя лишнего времени и энергии. Именно в решении таких задач проявляются личные достоинства человека, здесь проверяются его ум, смекалка, стойкость, другие необходимые для жизненной борьбы качества, и чем больше были препятствия, чем дальше от цели заносила человека судьба, тем больше чести тому, кто сумел все-таки преодолеть трудности и прийти к цели.

Многие волшебные сказки строятся именно по такому образцу: некто ставит перед героем трудные задачи, и он вынужден, если не хочет лишиться жизни и счастья, преодолевать все препятствия. (Но самому герою не может ни с того, ни с сего прийти в голову отправиться на подвиги; любые подвиги, не связанные с его жизненным путем, не имеют для него никакого смысла). При этом главное, к чему он стремится, это восстановление исходного состояния, а не завоевание каких-то новых высот. Даже если в конце его ожидает награда, вроде женитьбы на царской дочке, то это лишь почетное звание, подтверждающее его доблесть и успех, но не цель, к которой он стремился.

Сюжет об Иване-дураке похож на этот тип сказок, и в нем используются те же элементы: здесь также есть трудные задания, превосходящие человеческие возможности, есть волшебные помощники, решающие за героя неразрешимые проблемы, в конце героя ожидает тот же блистательный финал. Кубики, из которых строится сказка, те же самые, но сказка другая. В ней человек ставится в граничную ситуацию, заведомо исключаящую для него возможность счастья. В сказке народ ищет ответа на вопрос, что должен делать человек, если судьба ставит его в такое положение, из которого нет возврата на жизненный путь, ведущий к цели. Именно такого человека символизирует образ Ивана-дурака. Если стать на эту точку зрения, сразу становится понятно, почему герой должен быть дураком не по видимости, а по своей сущности.

Глупость Ивана ничем в сказке не доказывается, он дурак по определению. Очевидно, его дурь настолько неоспорима, что ее и не надо доказывать, он общеизвестный деревенский дурачок, которому Господь не дал разума. Надо сказать, что мотив дурости, обуславливающий

нахождение героя в безвыходном положении, выбран очень удачно. Во-первых, природное слабоумие сразу снимает вопрос о возможной личной вине героя за то, что он оказался в безвыходном положении. Такой вопрос мог бы возникнуть при другой мотивировке, и это резко сместило бы акценты в этической оценке героя. Во-вторых, психическая недееспособность удваивает тяжесть его положения по сравнению с любым другим: Иван-дурак не только безнадежно отстал от сверстников в продвижении к жизненной цели, что практически лишает его шансов на успех, но и к тому же он оказывается лишен тех, присущих каждому человеку, средств, которые давали бы ему возможность, хотя бы в принципе, возвратиться на потерянную жизненную дорогу. Иван-дурак проиграл свою жизненную игру еще до начала сказки. Этот тезис образует завязку сказочного

сюжета, и смысл его, внешне выраженный одним лишь эпитетом, определяющим героя, и далее никак не расшифровываемый, вполне понятен традиционному слушателю - для него это обыденная жизненная ситуация, ясная без лишних слов. Несмотря на очевидную риторичность вопроса, сказка все же спрашивает: что же делать человеку в такой ситуации? И дает совершенно неожиданный ответ, противоположный всему, чему учат другие сказки, и противоречащий обыденному здравому смыслу: "Надо не спорить с судьбой и не пытаться вернуться на утраченные позиции, надо решиться действовать в соответствии с собственными склонностями и разумением (какое уж тебе Бог послал), и если твоя внутренняя сущность

уводит тебя в сторону от общего пути, то надо идти в указываемом ею направлении. Это единственный способ и твой единственный шанс достичь цели из положения, в котором ты оказался”.

Человеку линейного типа, по-видимому, трудно в полной мере осознать ту - головокружительную - степень новизны, которой может обладать подобный ответ на заданный вопрос для циклического человека. Из наблюдений за своей внутренней жизнью и за поведением окружающих современный человек привык к тому, что, попав в любую достаточно новую ситуацию, каждый начинает с выбора целей, к которым он будет стремиться, и путей их достижения: проблема выбора направления деятельности представляет для линейного человека одну из важнейших форм его духовной активности. Но перед циклическим человеком такие проблемы никогда не возникают, они просто не существуют в реальном пространстве его опыта. Единственный известный ему тип выбора, который он постоянно совершает, это выбор одного из возможных общепринятых вариантов реакции на предлагаемые ему судьбой обстоятельства (которые также воспринимаются им как типичные и заранее знакомые). Поэтому понимание того, что можно, оказывается, придти к цели, двигаясь в направлении, отличном от общеизвестного и вообще неопределенном, должно производить в его мышлении настоящий переворот, сравнимый с тем, который испытывает ребенок, впервые узнающий, что Земля - шар, и что двигаясь все время в одном направлении, можно (пусть только в принципе) вернуться на то же место, откуда ты вышел.

В сказках об Иване-дураке противоречие, снимаемое развитием сюжета (тезис: “Дурак не может прийти к цели, потому что он действует по-дурацки”; антитезис: “Дурак может прийти к цели, только если он действует по-дурацки”), обычно достаточно ясно выражено, и, по-видимому, легко “вычитывается” из сюжета теми, кому, собственно, и адресована сказка. Так, в одном из вариантов этой сказки сюжет разворачивается следующим образом: При разделе имущества между братьями младший брат-дурак просит у отца также выделить ему часть, и хотя старик-отец сомневается, стоит ли это делать - никакое имущество дураку не поможет, дело его безнадежное, - он все же из справедливости и жалости выдает дураку сто рублей. Дурак идет на улицу, а там мальчишки мучат котенка и щенка. Дурак просит отдать их ему и взамен отдает свои сто рублей. В дальнейшем собака с кошкой вырастают и, естественно, оказываются чудесными помощниками дурака, приносящими ему удачу и счастливый финал сказки. Из этого видно, что успех дураку приносит правильный (в его положении) выбор пути: после того, как он совершился, доведение сюжета до благополучного конца оказывается уже делом сказочной техники. Но отнюдь не техника и не слепая удача, вообще-то благосклонная к дуракам, играют главную роль в момент выбора (который для самого дурака, конечно, не существует как выбор - он просто поступает в согласии со своей дурацкой природой; но для слушателя момент, когда дурак находится на распутье, вполне очевиден). С точки зрения стороннего наблюдателя (слушателя сказки) у дурака в этот момент две возможности: первая - собрать остатки ума и поступить разумно; как ни мала сумма, которую он заимел, но все же ее разумное применение может хоть немного продвинуть дурака к цели и уменьшить дистанцию между ним и далеко обогнавшими его нормальными людьми; и вторая - поступить по-своему, по-дурацки, окончательно подтвердив свою дурачность и потеряв последний минимальный шанс на достижение цели. Дурак оправдывает самые пессимистические прогнозы окружения и

поступает как нельзя более по-дурацки, отдав все неожиданно доставшиеся ему денежки за совершенно бесполезных в хозяйстве щенка и котенка (более глупый, слабоумно-сентиментальный поступок мужику трудно себе представить). Однако последующее развитие сюжета доказывает, что именно этот глупейший поступок оказывается началом вернейшего пути к цели.

У слушателя сказки не возникает сомнений в том, что поступив разумно, то есть истратив деньги на покупку коровы или лошади, дурак все равно никуда бы не продвинулся на своем жизненном пути, потому что он не

способен быть настоящим хозяином. Следовательно, в такой ситуации наиболее разумным выходом будет плюнуть на общий путь (который разумен для других, но не для него) и двинуться, куда глаза глядят, на авось, на удачу, куда кривая вывезет. И только тогда появляется минимальный шанс на успех. Таким образом, символическая сказочная ситуация, спроецированная на реальную жизнь, убеждает слушателя в правильности антитезиса, который оказывается не менее истинным, чем исходный тезис.

В определенном смысле, это вершина диалектики, доступной циклическому человеку. Нужно понять, что кажущееся нам достаточно банальным рассуждение, не может восприниматься так людьми традиционного мировоззрения: для них мысль о том, что из одной точки к цели могут вести два разных пути, равносильна переходу в иное измерение пространства. В их понимании разум человека проявляется не в том, что он может находить новые пути, ставить перед собой и разрешать какие-то проблемы, выискивать более эффективные способы поведения, а в том, что человек знает, как вести себя в том или ином положении, знает правильный путь. Если он не знает, то в этом он глуп, и ничто ему здесь не поможет. То, что, не зная решения, можно его найти, не принимается во внимание, как не встречающийся в реальной жизни случай. Поэтому “придуманное”, “выдуманное”, “вымысел” - это то, что нереально, чего нет в действительности. Поэтому в мышлении циклического человека возможны только начатки диалектики, он вообще должен с трудом понимать, как могут существовать два осмысленных суждения о чем-то, тем более согласиться с тем, что оба суждения могут быть истинными.

На этом фоне диалектика, демонстрируемая сказками об Иване-дураке, представляет несомненное интеллектуальное достижение субъекта фольклора, но все же главное ее значение в том, что она касается самой сущности циклического человека, той основы мироощущения и миропонимания, которая обуславливает его цикличность. Действительно, если согласиться с тем, что к цели могут вести два пути, то приходится признать, что кроме известных правильных путей в реальности существуют и неизвестные, следовательно, из каждого положения может быть несколько правильных выходов, следовательно, в каждой ситуации человек может выбрать свой путь. Таким образом, осознав смысл этой уникальной сказки и его значение для реальной человеческой жизни, сделав это понимание частью своего духовного опыта, человек достигает границы своего устойчивого (внутренне самодостаточного и замкнутого в этой полноте) мировоззрения и переходит на точку зрения человека линейного типа.